

ВОСПОМИНАНІЯ

архіерейскаго пѣвчаго о преосвященномъ Иннокентіи, бывшемъ епископѣ вологодскомъ

Много было печатано и печатается о жизни и дѣяніяхъ знаменитаго іерарха, бывшаго епископа вологодскаго, впоследствии архіепископа херсонскаго и таврическаго Иннокентія; но едвали гдѣ-либо уноминалось объ отношеніяхъ его къ своимъ пѣвчимъ, отношеніяхъ, показывавшихъ всю глубину чело-вѣчности пезабвеннаго архипастыря. По этому, думаю, не будутъ излишними нѣсколько воспоминаній по этому предмету одного изъ бывшихъ его пѣвчихъ въ Вологдѣ.

Въ годъ прибытія преосвященнаго Иннокентія на паству вологодскую, мнѣ было двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Будучи урожденцемъ г. Устюга, я обучался тогда въ третьемъ классѣ тамошняго духовнаго училища и былъ пѣвчимъ при Успенскомъ соборѣ. Старшій братъ мой слушалъ философскій курсъ въ вологодской семинаріи и состоялъ также пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ, почему въ числѣ прочихъ пѣвчихъ прибылъ въ іюль 1841 года за преосвященнымъ Иннокентіемъ въ Устюгъ (*). Увидѣвшись со мною и зная, что протоіерей устюжскаго Успенскаго собора В. И. Нордовъ, отечески объ насъ—пѣвчихъ заботившійся, переведенъ въ вологодскій кафедральный соборъ, братъ мой возымѣлъ намѣреніе перетащить и меня съ собою въ Вологду и съ этою цѣлію переговорилъ съ регентомъ архіер. хора протоіереемъ А. Г. Вороновымъ, который, проэкзаменовавъ меня, доложилъ преосвященному и получилъ разрѣшеніе увезти меня въ Вологду въ числѣ пѣвчихъ архіер. хора.

Въ Вологдѣ архіерейскіе пѣвчіе жили тогда въ каменномъ

(*) См. статью „Воспоминанія о пребываніи въ г. Устюгѣ въ 1841 году преосв. Иннокентія, епископа волог., напечатанную въ № 13 Волог. Епарх. вѣдом. прошлаго 1884 года.

к III 1271185

со сводами, мрачномъ и сыромъ, нижнемъ этажѣ подъ небольшою церковью архіерейскаго дома. По возвращеніи изъ обзоренія епархіи, преосвященный Иннокентій перевелъ насъ въ верхній этажъ дома, въ двѣ прекрасныя, обширныя, высокія, свѣтлыя, сухія комнаты съ настѣпными изображеніями изъ библейской исторіи. И здѣсь-то началась паша свѣтлая жизнь. Обыкновенно, по утру, послѣ краткой молитвы, напившись чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ (не рѣдко, особенно въ праздники, бѣлый хлѣбъ присылалъ къ намъ самъ преосвященный какъ бы въ гостинецъ), мы отправлялись въ училище; по возвращеніи оттуда, ожидалъ насъ въ общей столовой сытный, всегда изъ самой свѣжей провизіи, обѣдъ изъ трехъ блюдовъ, а вечеромъ снова чай и ужинъ. (Слышно было, что въ прежнія времена жилали архіерейскіе пѣвчіе впроголодь). Одѣвали насъ сообразно времени года, тепло и опрятно, заботились о нашемъ спокойствіи и за всѣ эти блага, требовали только, чтобъ мы порядочно учились, пѣли и не дѣлали грубыхъ шалостей. И дѣйствительно, при такой отрадной обстановкѣ, грубыя шалости намъ и на мысль не приходили.

Въ свободное отъ учебныхъ занятій время преосвященный давалъ намъ книжку басенъ Крылова, предоставляя вкусу каждаго списать одну изъ басенъ, выучить наизусть и ему прочесть, обильно награждая насъ за это конфектами. Какъ сейчасъ помню, разъ я читалъ „Музыкантовъ“ и получилъ чуть-ли не самую высшую премію конфетъ.

Не помню хорошо, въ какой день недѣли, а кажется по пятницамъ (*), собиралось у преосвященнаго вечеромъ интеллигентное вологодское общество, изъ лицъ разныхъ сословій и эти дни были для насъ праздниками. На этихъ вечерахъ велась оживленная, умная бесѣда, а мы время отъ времени исполняли разныя піесы духовнаго содержанія и кантаты. Обыкновенно, прежде всего гостямъ подавался чай, потомъ десертъ. Громадный подносъ фруктовъ и конфетъ, обнесенный нѣсколько разъ между гостями, поступалъ потомъ въ наше

(*). Дѣйствительно—по пятницамъ, которыя въ шутку назывались „учеными пятницами“, такъ какъ большинство присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ состояло изъ преподавателей семинаріи и гимназій. *Прим. ред.*

распоряженіе при такомъ любезномъ предложеніи хозяина: „Господа! лакомства вы не охотно кушаете, позвольте отдать ихъ дѣтямъ“, на что, конечно, получалось полное согласіе.

Бывало преосвященный слушалъ всепощное бдѣніе у себя въ комнатахъ—и это для насъ опять было праздникомъ. Всепощное совершалось въ залѣ, а преосвященный слушалъ въ сосѣдней комнатѣ; по окончаніи его, онъ выходилъ въ залу, а изъ боковой двери вносился сюда громадный подносъ разнаго рода кондитерскихъ печеній, которыми преосвященный и одѣлялъ насъ собственноручно, а взрослыхъ привѣтствовалъ ласковымъ словомъ—и затѣмъ благословивъ каждаго порознь, отпуская съ миромъ.

До чего простиралась его отеческая заботливость о насъ, расскажу одинъ случай, бывший со мною. Разъ осенью, вѣроятно простудившись, я заболѣлъ. Къ счастью, въ тотъ же вечеръ, какъ я почувствовалъ себя дурно, преосвященный потребовалъ меня къ себѣ. Доложили, что валяется въ жару и явиться не можетъ. Онъ приказываетъ пригласить къ себѣ регента хора, ростовскаго Яковлевскаго монастыря іеромонаха Дмитрія, даетъ ему бутылку сотерна, проситъ отправиться въ пѣвческую бурсу, напоить меня горячимъ чаемъ съ впрномъ, уложить въ постель и потеплѣе закрыть, заключивъ свое наставленіе словами: „Богъ милостивъ, пройдетъ“. О. Дмитрій, конечно, исполнилъ все буквально. Я погрузился въ глубокій сонъ и пробудился утромъ въ сильной испаринѣ, а болѣзнь какъ не бывало. Словомъ—положеніе наше тогда было гораздо лучше, какъ я убѣдился впоследствии, чѣмъ положеніе собственныхъ дѣтей въ посредственныхъ чиновничьихъ семействахъ.

Заговоривши объ іеромонахѣ Дмитріи, нельзя не вспомнить съ отраднымъ чувствомъ этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго человѣка. Онъ нарочито былъ вызванъ въ Вологду преосвященнымъ Иннокентіемъ; основательно зналъ партесное пѣніе, имѣлъ прекрасный теноръ и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. И голоса въ хорѣ тогда были большею частію не дюжинные: кто изъ вологжанъ не помнить наприм. діакона Неона Клирустратова, или Илью Ивановича Чебыкина? первый имѣлъ

довольно сильный баритонъ и владѣлъ имъ съ особеннымъ искусствомъ, а Чебыкинъ, теноръ высшей пробы, поступилъ потомъ въ придворную пѣвческую капеллу, и тамъ былъ далеко не изъ послѣднихъ, такъ что не разъ сопровождалъ за границу покойную Императрицу Александру Оеодоровну. И, Боже мой, что было тогда за пѣніе! Довольно обширная при архіерейскомъ домѣ крестовая церковь не могла вмѣщать молящихся и желавшихъ послушать архіерейскихъ пѣвчихъ на всенощныхъ бдѣніяхъ.....

Но не продолжительно было наше блаженство. Вскорѣ (въ концѣ декабря 1841 г.) поразила насъ печальная вѣсть, что нашъ отецъ получилъ другое назначеніе; тутъ же рѣшено было между нами—приготовить къ отъѣзду Владыки прощальный гимнъ; по настоянію товарищей, братъ мой написалъ прощальные стихи (къ сожалѣнію не сохранившіеся въ моей памяти), а регентъ іеромонахъ Димитрій положилъ ихъ на ноты, и мы въ свое время, со слезами на глазахъ, исполнили этотъ прощальный гимнъ преосвященному, который, выслушавъ внимательно, сказалъ: „кто создалъ мотивъ, догадаться мнѣ не трудно, но кто писалъ текстъ“? Къму указали на брата. Потомъ всѣхъ насъ онъ горячо благодарилъ, а брата тогда же пригласилъ ѣхать съ нимъ къ мѣсту новаго назначенія; по этому воспротивились наши родители, бывшіе тогда еще въ живыхъ. Съ преосвященнымъ уѣхали въ Харьковъ, а потомъ и въ Одессу, два воспитанника вологодской семинаріи, П. И. Поддьяковъ и А. М. Логиновскій, исполнявшіе въ Вологдѣ при немъ должности уподіаконовъ и занявшіе впоследствии, какъ было слышно, видные посты въ духовной іерархіи.

Заканчивая настоящія воспоминанія, не могу не прибавить, что вышеописанный мною періодъ времени считаю счастливейшимъ въ моей жизни.

Н. Гор...цкій.

1 Іюня, 1885 г.
Устюгъ-Великій.